

сатира «Трутня» и «Живописца». Правда, она выступает в несколько ослабленном виде, поскольку, обличая жестокого помещика и выступая в защиту крепостного крестьянина, автор стихов об утре оправдывает такой общественный порядок, при котором одни являются господами, а другие — их крепостными. «Почто же естество часть смертных разделило, владыкам их рабов на службу покорило?» — спрашивает поэт и отвечает:

На то, чтоб были все блаженными равно;
Пред троном божества пастух и царь одно.

(Май, л. 1)

К какому состоянию ни принадлежал бы человек (к дворянам ли, к крестьянам), он имеет право на счастье и может быть счастлив, честно выполняя свои обязанности перед обществом. И господин и крепостной — это люди, обладающие одними и теми же чувствами. И в этом отношении они равны. Автор понимает равенство людей не как социальное равенство, а в отвлеченно-моралистическом смысле. Обеспечить всем сословиям счастливую жизнь должна высшая власть, сосредоточенная в руках просвещенного монарха. Оправдывая таким образом самодержавно-крепостнический строй, поэт осуждает крестьянские восстания как проявление разрушительной силы страстей. Он, как видно, помнит пугачевское движение и имеет его в виду, когда пишет:

Но подданны всегда ль внимают глас царя?
Бунтуют иногда под скиптром правосудным,
Воспалены страстей движеньем безрассудным.

(Май, л. 1).

Отрицательное отношение к крестьянским восстаниям, вера в «просвещенного монарха» свидетельствуют о том, что автор стихов об утре не смог выйти за рамки дворянско-крепостнической идеологии. Но подобные воззрения разделялись в то время даже такими демократически настроенными просветителями, как Новиков и Десницкий, которые считали невозможным дать крестьянам «права и преимущества».¹⁰ Для них всех, веривших в силу человеческого разума, наивысшим воплощением принципа разумности была власть «просвещенного монарха».

С оправданием этой власти связана та теория подавления страстей разумом, которая развивается в стихах об утре. Излагая ее, автор исходит из гносеологических предпосылок, сходных с теорией познания, развивавшейся в лекциях Аничкова, кото-

¹⁰ Избранные произведения русских мыслителей второй половины XVIII века, т. 1, стр. 319.